

О совместимости деонтологизма с умеренным экстернализмом в теории эпистемического обоснования: решение М. Бергмана

Галухин Андрей Владимирович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
E-mail: mystolbard@gmail.com

В статье рассматриваются альтернативные способы эпистемологической концептуализации обоснования, заданные в парадигмах интернализма и экстернализма, и анализируется их соотношение с принципами эпистемического деонтологизма. Производится реконструкция и анализ аргументов эпистемолога М. Бергмана, посредством которых демонстрируется, что в рамках комплексной экспозиции системно-интегрального фактора обращения истинных убеждений в знание деонтологическую обоснованность убеждений можно представить как подусловие более фундаментального условия исключения дефикторов – факторов, подрывающих убеждения, что дает достаточное основание для утверждения совместимости эпистемического деонтологизма с принципами экстерналистского подхода в теории обоснования.

Ключевые слова: эпистемология, эпистемическое обоснование, интернализм, экстернализм, деонтологическая концепция обоснования, дефикторы, знание.

В работах ряда современных эпистемологов представлены конструктивные попытки исследовать *возможности совмещения деонтологической концептуализации эпистемического обоснования с позициями экстернализма* и расширить, таким образом, область теоретических принципов, исходя из которых можно было бы более основательно определить роль различных конституентов обоснованности в обеспечении условий конвертации доксистических установок в знание.

Рассмотрим для примера проект решения этой задачи, который был предложен М. Бергманом.

Но прежде необходимо дать определение тех альтернативных позиций, с которых в современной эпистемологии дается экспликация теоретических оснований разработки проблемы обоснования и на которые ссылается Бергман при обсуждении проблемы соотношения деонтологизма с экстернализмом.

В рамках эпистемико-деонтологического подхода квалификация успешности достижения субъектом познавательных значимых целей, а в пределе – оправдания притязаний субъекта на знание, осуществляется на основе оценки того, насколько субъект при формировании и оценке убеждений, исходя из условий обращения их в знание, последователен в исполнении *эпистемического долга*, а именно – объективных обязательств, вытекающих из норм, регулирующих доксистическую сферу эпистемически целесообразным образом, и насколько позиция субъекта, проявляющаяся в формировании и поддержании определенных убеждений, *безупречна* (принимая во внимание субъективные обязательства и их отношение к объективным). Применительно к теории эпистемического обоснования деонтологический подход выражается в определении статуса обоснованности убеждений, исходя из политики их сознательного формирования и поддержания, демонстрирующей ответственное отношение субъекта к тому, что составляет его долг как субъекта познания: верифицирующую функцию в отношении состояния обоснованности выполняет факт исполнения субъектом познания при культивировании собственных убеждений релевантных интеллектуальных обязательств или достижения им позиции, отвечающей эпистемически значимым стандартам безупречности в отношении собственных доксистических установок. Дисциплина отношения к убеждениям выстраивается на основе *требований, разрешений или запрещений*, и каждое из этих деонтически-регулятивных понятий может быть определено на основе установления того, какие доксистические установки полагаются для субъекта должными или правомерными. Так, одна из канонических версий определения критериев обоснованности в деонтических терминах предполагает, что в качестве обоснованного можно квалифицировать такое именно убеждение, культивирование которого *разрешено* эпистемическими принципами. По определению У. Олстона, «Утверждать, что S обоснованно убежден, что p, в момент времени t, значит утверждать, что ре-

levantные правила или принципы не запрещают S придерживаться убеждения, что p в момент t » [3, с. 258]. Положение это эквивалентно экспликации принципа обоснованности с деонтологических позиций, которую предложил М. Стьюп: S обосновано полагает, что $p = df$ положение дел не таково, что S должен воздерживаться от полагания, что p » [17, с. 461].

Альтернативная версия определения деонтологического стандарта эпистемической обоснованности предполагает использование таких деонтически-оценочных концептов как безупречность, невиновность, непредсудительность и ряд других понятий, содержание которых было реинтерпретировано относительно условий экспликации нормативного содержания общего понятия эпистемического обоснования. Формулировка К. Гине хорошо передает смысл эпистемико-деонтологических определений такого рода: «Человек обоснованно поддерживает уверенность в том, что p , если и только если это не тот случай, когда он не должен быть уверенным в том, что p . Человека нельзя правомерно упрекнуть за то, что [он полагает] p » [10, с. 28]. В более развернутой формулировке, предложенной Н. Ноттельманом, утверждение значения безупречности для квалификации состояния обоснованности можно представить, отпавляясь от противного, следующим образом:

«Агент (человек как субъект познания – Авт.) эпистемически небезупречен («*blameworthy*» = достоин порицания) в плане поддержания убеждения, что p , если и только если

1. Она полагает, что p .

2. Убеждение ее в том, что p , является нежелательным с эпистемической точки зрения (т.е., исходя из условий возможности достижения знания – Авт.).

3. Отсутствует надлежащее основание, составляющее оправдание для приверженности эпистемически нежелательному убеждению, что p » [13, с. 47].

Интеграция деонтологических квалификаторов позиции субъекта в основания оценки эпистемического статуса его убеждений оправдана, если в определении деонтически значимых критериев обоснованности заложена референция к таким «релевантным правилам и принципам», которые предназначены для регулирования доксасической сферы относительно эпистемически значимых целей, главная из которых – максимизация истинности и минимизация ложности в наибольшем массиве убеждений. Поэтому для того, чтобы убеждения были обоснованными, дисциплина их формирования и отбора должна выстраиваться в соответствии с «принципами которые будут запрещать придерживаться убеждений, сформированных таким образом, что высока вероятность того, что они являются ложными, и разрешать или требовать поддерживать убеждения, сформированные таким образом, что достаточно высока вероятность того, что они являются истинными» [3, с. 259].

Для целого ряда исследовательских программ в области эпистемологии, задействовавших ресурсы рефлексии над основаниями подхода, применяемого для разработки проблемы обоснования, парадигматическим стало представление, что *из принципов деонтологической концептуализации обоснования с необходимостью следует утверждение принципиальной значимости позиций интернализма*, требующих определения условий и факторов, в силу которых убеждения приобретают статус обоснованных, исключительно на основании тех данных, которые доступны распознаванию из собственной – «внутренней» перспективы сознания субъекта.

Если культивирование убеждений, для которых имеются надежные индикаторы вероятной истинности, явля-

ется основным *долгом* человека как субъекта познания, и если есть круг правомерно вменяемых ему интеллектуальных обязательств, т.е. человек полагается *ответственным* за регулирование собственной доксастической сферы, исходя из принципов, разрешающих только такие убеждения, условия формирования которых или основания для поддержания которых эпистемически адекватны (например, гарантируют, повышают вероятность или определенно указывают на истинность пропозиций, составляющих предмет убеждений), то *наличие таких индикаторов, условий генерации и оснований для убеждений* должно относиться к разряду фактов, которые субъект может *гарантированно выделить и (в идеале) безошибочно распознать*, полагаясь исключительно на способности интроспекции или рефлексии, т.е., задействуя ресурсы собственного в себя обращенного сознания. Деонтологически основательный аргумент в пользу такого интерналистского ограничения – требования распознаваемости условий и факторов обоснования из «внутренней» – собственной перспективы сознания субъекта (т.е. из того, что субъект знает, в чем он обоснованно убежден, что он помнит, испытывает и постигает как имманентное содержание опыта), состоит в следующем: знание об этих факторах, наряду с адекватным пониманием того, в чем состоит его долг как субъекта познания, составляет конститутивное условие выполнения этого долга, и только такой человек, который в достаточной мере обладает этим знанием, понимая также, из каких элементов поведения складывается политика в отношении собственных убеждений, которая санкционирована «правилами и принципами», очерчивающими сферу должного, исходя из условий продвижения к знанию, может на регулярной основе демонстрировать поведение, удовлетворяющее деонтическому стандарту безупречности, и считаться ответственным, если эти обязательства, правомерно (согласно принципу *Debes, ergo potes* = Должен, значит можешь) ему вменяемые, не выполняются.

Квинтэссенцию типичных рассуждений, посредством которых эпистемологи пытаются доказать, что деонтологизм имплицитно исключительную ориентацию на интернализм в теории обоснования, Дж. Греко выразил в форме такого предельно общего аргумента:

«1. Убеждение b является эпистемически обоснованным для человека S только при условии, что S , поддерживая убеждение b , демонстрирует эпистемически ответственное отношение к своим убеждениям (т.е., принимая пропозицию p и культивируя соответствующее убеждение, субъект не нарушает релевантные правила и принципы, формирующие эпистемически целесообразную дисциплину формирования и поддержания убеждений; иными словами, с деонтической точки зрения позиция субъекта в отношении убеждения b безупречна – Авт.).

2. Эпистемическая ответственность всецело зависит от факторов, которые являются внутренними по отношению к сознательной перспективе S .

Следовательно,

3. Эпистемическое обоснование всецело зависит от факторов, которые являются внутренними по отношению к сознательной перспективе S . (1, 2)» [12, с. 328].

Основная интенция Бергмана, как мы увидим, состоит в том, чтобы в противовес этому парадигматически закрепившемуся представлению, поддерживаемому рядом эпистемологов (Р. Чизом, К. Гине, М. Стьюп и др.), доказать, что деонтологическая концепция обоснования не предполагает исключительную установку на интернализм, т.е. деонтологическое понимание обоснования не дает уникальных и решающих причин для того, что-

бы утверждать эпистемологическую иррелевантность экстернализма и придерживаться принципиальных интерналистских ограничений в отношении условий и факторов обоснования и конститuentов обоснованности. В роли главных интерналистских ограничений выступают требование отнесенности состояний, событий и условий, на которых супервентен статус обоснованности, к ментальной перспективе субъекта («ментализм») [9, с. 56], и требование познавательной доступности факторов обоснования в границах собственного – в себя обращенного сознания («аксессибилизм»).

Проясняя базовые принципы интернализма в теории обоснования в одной из своих статей, я рассматривал в качестве образцовой ту версию интернализма, которую можно классифицировать как *аксессибилизм*, поскольку именно *аксессибилизм* (т.е. *интернализм доступа*), как доказывает Д. Притчард [15, с. 236], а не *ментализм* (как полагали Кони и Фельдман), наиболее последовательно выражает основную идею интерналистских подходов, – интернализм-аксессибилизм придает критериальное значение принципу когнитивной доступности – *распознаваемости* условий и факторов обоснования из перспективы «внутреннего» – сознательного отношения субъекта познания: «Основоположением *интерналистской парадигмы* является принцип построения обоснования, исходя из различных для субъекта – когнитивно доступных ему факторов, в роли которых выступают как факторы докастического (убеждения и их инференциальные отношения), так и недокастического (содержание опыта, «чувственные данные») порядка. Экстернализм утверждает обратное: обоснование (по крайней мере, частично – Авт.) зависит от факторов, внешних по отношению к ментальной перспективе субъекта, и именно факторы, находящиеся вне зоны когнитивного доступа субъекта, следует принимать в расчет, когда ставится и решается вопрос об эпистемической оправданности – обоснованности убеждений» [2, с. 130].

Для различных экстерналистских теорий методологической общей является стратегия анализа понятия обоснования в терминах других – неэпистемических, модальных, вероятностных или даже натуралистических (каузально-номологических или когнитивно-функционалистических) понятий. Различные экстерналистские теории по-разному формируют представление о конститuentах и показателях положительного эпистемического статуса убеждений, эквивалентного тому, что на языке традиционной эпистемологии называлось «обоснованностью». Так, для целого класса экстерналистских теорий основополагающей стала диспозиция к определению условий обоснованности, исходя из каузальной связей убеждений с фактами или степени надежности процесса формирования убеждений: согласно классической каузальной теории знания вероятная истинность убеждений гарантирована при условии, что имеется надлежащая каузальная связь убеждения с фактом, относительно которого оно формируется, и ключевые звенья этой связи могут быть должным образом реконструированы; согласно процессуальному релейэбилизму, убеждение обоснованно, если и только если оно формируется или поддерживается когнитивными процессами, которые в целом являются надежными (надежность означает высокую степень вероятности того, что убеждения, формируемые таким образом, являются истинными) [11]. В рамках модельно-треккинговой теории Р. Нозика показателем эпистемического статуса убеждений является контрфактуальная чувствительность к истине [1, с. 39–59]; в ранних вариантах эпистемологии добродетелей убеждение заслуживает положительной оценки, если и только если оно является

результатом проявления интеллектуальных добродетелей, в роли которых выступают надежные когнитивные способности или диспозиции [16]; в рамках индикаторной теории убеждения обоснованно, если и только если оно базируется на основаниях, которые содержат объективные показатели истинности [4, с. 527–551]. Наконец, А. Плантинга в рамках функционалистского подхода «снимает» содержание классического понятия обоснования, исходя из более общего понятия эпистемического гаранта («the warrant» в терминологии А. Плантинги), понятия, на уровне которого обобщаются условия обращения истинных убеждений в знание: убеждение обладает качеством эпистемической гарантированности, «только если (1) оно было сформировано во мне посредством работы когнитивных способностей, которые функционируют надлежащим образом [...] в условиях той познавательной среды, которая подходит для этого типа познавательных способностей; при этом (2) сегмент общего плана-замысла, регулирующего производство истинных убеждений, и (3) существует высокая статистическая вероятность того, что убеждение, созданное в этих условиях, будет истинным» [14, с. 59].

М. Бергман предпринял достаточно оригинальную попытку продемонстрировать парадоксальное, как может показаться, положение, что эпистемический деонтологизм в принципе совместим некоторыми установками умеренного экстернализма, допускающими, что для класса условий, необходимых и в совокупности достаточных для обоснования, требование когнитивной доступности не является обязательным, за исключением условия исключения факторов, подрывающих убеждения, которое предполагается дефиторологической концепцией [8, с. 153–177], восполняющей недостатки классического определения знания.

Исследование теоретических возможностей конвергенции нормативно-оценочного подхода, предполагаемого деонтологизмом, с рядом принципов экстернализма, трансформирующих классическое понятие обоснования, представляется эпистемологически целесообразным, поскольку такая конвергенция позволила бы, во-первых, преодолеть недостатки деонтологической теории обоснования (такие, например, как неоправданное допущение докастического волюнтаризма и недостаток истинностной проводимости), удерживая ее рациональное ядро – идею объективных интеллектуальных обязательств, вытекающих из общезначимых норм и принципов, формирующих познавательную дисциплину, а во-вторых – произвести экспертизу регулятивных оснований познавательной деятельности, исходя из более комплексного представления как «внутренних» – относимых к рефлексивно-сознательной перспективе субъекта, так и «внешних» (каузальных, когнитивно-процессуальных, функциональных, модальных и иных) условий знания, что, в-третьих, означало бы удостоверение значимости для программ нормативной эпистемологии тех критериев оправдания притязаний субъекта на знание, которые определяются в парадигме экстернализма, традиционно считавшейся матрицей для проявления натуралистических тенденций, умаляющих роль нормативной рациональности.

Так, например, один из аргументов, раскрывающих недостатки деонтологического подхода, состоит в том, что классические проекты деонтологической концептуализации эпистемического обоснования основывались на ряде неоправданных допущений, в числе которых наиболее сомнительным представляется допущение способности субъекта осуществлять прямой сознательно-волевой контроль над сферой собственных

убеждений (позиция, известная как «доксастический волюнтаризм»). У. Олстон – один из принципиальных критиков деонтологического подхода – доказывает, что допущение, утверждающее способность субъекта прямым образом регулировать доксастическую сферу, совершенно несостоятельно, а признание возможностей косвенного влияния, которое оказывают на сферу убеждений некоторые из сознательно совершаемых действий, не дает достаточных оснований для утверждения релевантности деонтологических критериев, таких как ответственное отношение к интеллектуальным обязательствам и безупречность, контексту оценки статуса эпистемической обоснованности [3, с. 260–274]. Даже если признать доксастический волюнтаризм в его умеренной форме и допустить, что какие-то условия формирования и отбора некоторых убеждений поддаются сознательно-волевому регулированию, то объяснительный потенциал теории, которая не в состоянии эксплицировать условия обоснования для обширного класса убеждений, формирующихся когнитивно-спонтанным образом, является весьма ограниченным. Между тем, экстерналистские теории достаточно эффективно справляются с объяснением эпистемического статуса убеждений, даже если эти убеждения выпадают из зоны сознательного контроля со стороны субъекта познания: общим для ряда экстерналистских теорий является определения критериев обоснованности убеждений исходя из того, что их эпистемический статус частично зависит от их каузальной истории (надлежащей этиологии), типа и характера источника (надежности способа формирования) и когнитивно-функциональных аспектов познавательной ситуации, которые субъект может и не осознавать, а значит ограничения, заложенные в классической деонтологической теории, допускающей доксастический волюнтаризм, не затрагивают объяснительного потенциала этих теорий.

Другой аргумент против деонтологической теории обоснования, отчасти значимый и для критики интернализма (учитывая некоторую слабость интернализма перед вызовами скептицизма), состоит в том, что эта теория в принципе не обладает концептуальными ресурсами для демонстрации адекватной связи обоснованности с истинностью: если теория не в состоянии концептуализировать обоснование таким образом, чтобы показать, как выполняются условия истинностной проводимости (т.е. что в системе обоснования удостоверяет или гарантирует, что убеждения с достаточной вероятностью являются истинными), эпистемологическое достоинство такой теории сомнительно. Возможность разрыва между деонтологическим обоснованием и обоснованием, удовлетворяющим условию истинностной проводимости, спецификацией которого является принцип наличия адекватной основы для убеждений (обстоятельств или условий, которые не просто надежно указывают, но также конституируют вероятность того, что убеждения являются истинными) раскрывает У. Олстон: в одном случае убеждение может расцениваться по деонтологическим стандартам как вполне обоснованное, однако способ формирования этого убеждения может быть ненадежным, т.е. не способствовать достижению истины; в другом случае убеждение может формироваться на вполне адекватной основе, но при этом, несмотря на то, что условие истинностной проводимости выполняется, убеждение может не соответствовать стандарту деонтологической обоснованности [3, с. 274–283]. Следовательно, введение деонтологических критериев обоснованности, исходя из принятых допущений, не позволяет эксплицировать понятие обоснования так, как требуют собственные задачи эпистемологии.

Преимущество же экстерналистских теорий в том и состоит, что они более основательны и последовательны в плане демонстрации необходимой связи обоснованности с истинностью: интеграция в основания оценок вероятной истинности убеждений таких критериев как, например, надлежащая каузальная связь с фактами, надежность когнитивного процесса, правильное функционирование когнитивного аппарата, реализация законосообразного отношения между наличием определенного убеждения и положением дел, которое делает убеждение истинным, изначально мотивировано тем, чтобы преодолеть недостатки классической деонтологии и ограничения интернализма и построить методологию оценок эпистемического достоинства убеждений на фундаменте протонаучного объяснения фактов относительно регулярной связи убеждений с факторами истинности.

В концепции Бергмана эпистемико-деонтологическая обоснованность рассматривается не сама по себе, а в соотношении с другими условиями, каждое из которых вносит вклад в достижение такого эпистемически положительного состояния пропозициональных установок, в котором всякое истинное убеждение гарантированно обращается в знание. Чтобы выразить системно-интегральный фактор, актуализация которого отличает знание от истинного убеждения, Бергман оперирует понятием эпистемического гаранта, предложенным А. Плантингой; обеспеченность такого «гаранта» (W) – это такой позитивный эпистемический статус, который достигается, например, комбинацией обоснованности с условием X (где X может означать, например, отсутствие факторов, подрывающих убеждение [7, с. 419–436], продуцирование убеждений на основе надежного когнитивного процесса и т.д.; в ряде эпистемологических концепций обоснованность вообще отбрасывается и заменяется принципом исключения релевантных альтернатив, принципом контрфактуальной чувствительности т.д.).

В плане аналитической экспликации эпистемического гаранта, т.е. интегрального фактора обращения истинных убеждений в знание, экстерналисты могут вполне когерентно принимать формулу определения условий знания, инкорпорирующую принцип исключения «дефиторов» – факторов, подрывающих убеждения: «субъект знает, что р, если и только если он не полагает (и не стал бы полагать, если бы отрефлексировал основания своих убеждений), что есть факторы, подрывающие убеждение, что р» [5, с. 407]. Условие отсутствия факторов, подрывающих убеждения (NDC), необходимое для актуализации гарантирующего основания, т.е. для достижения такого состояния, при котором истинное убеждение обращается в знание, представляется вполне совместимым с системой принципов умеренного экстернализма.

Приведем классификацию М. Бергмана:

[E-mw] *Умеренный экстернализм* (в отличие от экстернализма в его сильной и слабой версиях) определяется Бергманом как такая позиция, согласно которой в составе условий в принципиально необходимых и в совокупности достаточных для W, нет никаких внутренних условий (доступных для сознания субъекта), за исключением NDC и тех условий, выполнение которых гарантировано выполнением NDC («подусловий» NDF) [5, с. 410].

[E-sw] *Экстернализм в сильной версии* утверждает, что все условия, необходимые и совокупно достаточные для W, являются внешними (не нуждаются в том, чтобы быть когнитивно доступными); *экстернализм в слабой версии* (E-ww) утверждает, что хотя бы одно из условий W должно быть внешним [5, с. 402].

[I-mw] Умеренный интернализм (в отличие от интернализма в его сильной и слабой версиях) отправляется от положения, согласно которому в составе условий в принципиально необходимых и в совокупности достаточных для *W*, есть, по крайней мере, одно внутреннее (рефлексивно доступное) условие, которое является отличным от NDC [5, с. 407].

Интернализм в сильной версии [I-sw] утверждает, что каждое из условий, определяющих состояние *W*, при котором истинное убеждение обращается в знание, является внутренним условием (распознаваемым субъектом).

Интернализм в слабой версии [I-ww] утверждает, что, по крайней мере, одно из условий *W* должно быть когнитивно доступным – распознаваемым из внутренней перспективы субъекта.

Основное расхождение между экстернализмом в его сильной и умеренной версиях, с одной стороны, и умеренным интернализмом, с другой, может быть представлено как расхождение по вопросу о том, являются ли внутренние условия, отличные от NDC, необходимыми и достаточными для *W* [5, с. 408].

Экстерналисты отрицают, что есть внутренние условия, отличные от NDC, которые необходимы для *W*, но из этого не следует, что они отрицают, что есть внутренние условия, которые, будучи *подусловиями* NDC, являются необходимыми для *W*. Одним из претендентов на статус такого условия выступает *условие деонтологической обоснованности* [8, с. 77–82].

Убеждение субъекта удовлетворяет *условию деонтологической обоснованности* [DJC] тогда и только тогда, когда формирование или поддержание этого убеждения не является нарушением какого-либо интеллектуально-обязательства, заданного в кругу тех обязательств, которые определяются системой эпистемических норм, регулирующих отбор убеждений с точки зрения условий обращения их в знание.

Бергман согласен с Олстоном (и Джеймсом), что парадигма интеллектуальных обязательств выстраивается сообразно цели максимизации истинности и минимизации ложности в наибольшем массиве убеждений, что необходимо для роста знания. Обоснованность в деонтологическом смысле представляется особым выражением содержательной эпистемической рациональности: если *S* стремится к знанию, то для *S* было бы эпистемически нерациональным придерживаться убеждения, что *p*, если бы *S* был убежден (или мог посредством рефлексии прийти к убеждению), что, придерживаясь убеждения, что *p*, он нарушает интеллектуальные обязательства, которые относятся к типу эпистемических обязательств, т.е. таких, нарушение которых существенно уменьшает объективную вероятность того, что убеждения субъекта являются истинными (т.е. вероятность того положения, при котором субъект придерживается убеждения, что *p*, тогда и только тогда, когда *p* истинно) [5, с. 410].

Следовательно, условие деонтологической обоснованности для некоторого убеждения выполняется тогда, когда субъект ведет себя рационально, т.е. не придерживается убеждения, когда думает, что это ведет к нарушению обязательств, выполнение которых полагается необходимым по условиям оптимизации возможностей достижения истины. Но в такой формулировке [DJC*], выделяющей эпистемически-целесообразное содержание обязательств, условие деонтологической обоснованности можно рассматривать как подусловие NDC [6, с. 87–102] – условия, по которому субъект, придерживающийся убеждения, что *p*, может оправданно притязать на знание, если он не полагает (или может установить

посредством рефлексии), что есть факторы, подрывающие убеждение, что *p*.

Деонтологическая концепция обоснования необходимым образом индуцирует интернализм, если сообразно принципам этой концепции можно выделить такое *внутреннее* условие обоснованности, которое отлично от NDC и не является подусловием NDC, но само по себе является необходимым для *W*. Если допустить, что условие деонтологической обоснованности [DJC/DJC*] (как и условие инферециальной обоснованности [IJC]) может быть квалифицировано с позиций интернализма как необходимое для *W*, то само по себе это допущение не ведет к отрицанию принципов умеренного экстернализма. В отношении DJC/DJC* расхождение умеренного экстернализма с интернализмом обнаруживается при определении статуса этого внутреннего условия: позиция интерналиста заявлена в трактовке DJC/DJC* как условия, независимого от NDC, в то время как в рамках умеренного экстернализма DJC/DJC* рассматривается в качестве подусловия NDC. Для DJC* быть *подусловием* NDC в данном случае означает, что удовлетворение NDC является достаточным условием выполнения условия деонтологической обоснованности [DJC*].

Вопрос состоит в следующем: правильно ли полагать, что если убеждение не удовлетворяет DJC*, то оно также не удовлетворяет NDC?

Аргумент умеренного экстерналиста в пользу положительного ответа на этот вопрос заключается в следующем: «Допустим, *S* убежден, что *p*, и убеждение не удовлетворяет DJC*. Это значит, что *S* убежден (или может посредством рефлексии убедиться в том), что он, придерживаясь убеждения, что *p*, нарушил определенного рода интеллектуальное обязательство» [5, с. 410–411]. Интеллектуальное обязательство, определяемое относительно условий реализации интенции на истину, состоит в том, чтобы не принимать убеждение, что *p*, когда очевидно, что «соображения за и против *p* распределяются таким образом, что поддерживать убеждение, что *p*, в настоящее время оказывается неправильным, если целью является достижение такого состояния, когда относительно *p* имеется истинное, а не ложное убеждение» [6, с. 89]. И если субъект понимает, что, придерживаясь данного убеждения, он нарушает определенные интеллектуальные обязательства, то это может означать только то, что субъект убежден (или может посредством рефлексии убедиться), что есть факторы, подрывающие это убеждение. Таким образом, если убеждение не удовлетворяет условию деонтологической обоснованности [DJC*], то тем более оно не удовлетворяет NDC. Следовательно, DJC* есть подусловие NDC.

Закключение это представляет одну из посылок аргумента, посредством которого Бергман доказывает, что **условие деонтологической обоснованности убеждений – именно как подусловие NDC – согласуется с принципами экстерналистского подхода к определению гарантирующего основания (“warrant”) – интегратора условий обращения истинных убеждений в знание.**

Аргумент Бергмана в структурно развернутом виде можно представить следующим образом:

(1) Пусть NDC1...NDCn внутренние варианты NDC (условия исключения факторов, подрывающих убеждение), утверждение необходимости которого для обеспечения *W* совместимо с экстерналистским подходом к определению интегрального фактора обращения убеждений в знание.

(2) Единственные варианты условия деонтологической обоснованности (DJC), которые являются внутренними (т.е. условиями, доступными для распознавания

субъектом) и необходимыми для W, представлены условиями DJC1...DJCn.

(3) Каждое из условий DJC1...DJCn является (в указанном выше смысле) подусловием условий NDC1...NDCn.

(4) Если каждый из вариантов условия деонтологической обоснованности (DJC), будучи внутренним и необходимым для W (т.е. для актуализации интегрального фактора обращения убеждений в знание), является подусловием NDC (условия исключения факторов, подрывающих убеждение), чья необходимость для обеспечения W совместима с экстернализмом в его умеренной версии, то деонтологическое понимание эпистемического обоснования не дает уникальных и достаточных оснований для того, чтобы с необходимостью придерживаться интернализма.

Концепция М. Бергмана имеет ряд преимуществ, значимых для решения вопроса об истинной проводимости деонтологического обоснования.

Во-первых, как показывает представленная выше аргументация, безупречность выполнения интеллектуальных обязательств трактуется не в формально-отрицательном, а в содержательно-эпистемическом смысле, ибо само содержание обязательств определяется относительно условий исполнения интенции на истину.

Во-вторых, деонтологическая обоснованность рассматривается как внутреннее условие, позитивный вклад которого в основание обращения убеждений в знание раскрывается через связь его с более фундаментальным условием NDC, которое «работает» в функционально-комплиментарном режиме с другими – внешними условиями, – именно на этом функциональном интервале деонтологическая обоснованность убеждений оказывается гарантированной в плане обнаружения в составе последних неслучайной тенденции к истинности.

В-третьих, демонстрация возможностей конвергенции условия деонтологической обоснованности, которое традиционно рассматривалось как некое ядро интерналистского подхода, с другими условиями, которые определяются в парадигме экстернализма, выделяющей объективную основательность адекватной связи убеждений с истиной, является эвристически значимым шагом в сторону определения уровней конвергентного соотношения этих противоположных эпистемологических подходов к определению условий обоснования и знания.

Литература

1. Галухин А.В. Знание как пеленгация истины: эпистемологическая концепция Роберта Нозика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Том 6. – № 1А. – С. 39–59.
2. Галухин А.В. К вопросу о значимости обоснования для реализации условий знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Том 8. – № 3А. – С. 107–146.
3. Alston W.P. The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*, 1988, Vol. 2, Epistemology. Pp. 257–299.
4. Alston W.P. Epistemic Desiderata. // *Philosophy and Phenomenological Research*, 1993, Vol. 53, No. 3. Pp. 527–551.
5. Bergmann M. Internalism, Externalism And The No-Defeater Condition. // *Synthese*, 1997, Vol. 110. – Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1997. – Pp. 399–417.

6. Bergmann M. Deontology and Defeat // *Philosophy and Phenomenological Research*, 2000, Vol. 60. Pp. 87–102.
7. Bergmann M. Defeaters and High-Level Requirements // *The Philosophical Quarterly*, 2005, Vol. 55, No. 220. Pp. 419–436.
8. Bergmann M. Justification Without Awareness. A Defense of Epistemic Externalism. – Oxford: Clarendon Press, 2006.
9. Conee E. and Feldman R. Evidentialism. – Oxford: Oxford University Press, 2004.
10. Ginet C. Knowledge, Perception, and Memory. – Dordrecht: D. Reidel Pub. Co., 1975.
11. Goldman A.I. Epistemology and Cognition. – Cambridge: Harvard University Press, 1986.
12. Greco J. Justification is not internal // In: Steup M. and Turri J. and Sosa E. (eds.) *Contemporary Debates in Epistemology*. 2nd edition. – Malden, Oxford and West Sussex: Wiley-Blackwell, 2014. – Pp. 325–337.
13. Nottelmann N. Blameworthy Belief. A Study In Epistemic Deontology. – Dordrecht: Springer, 2007.
14. Plantinga A. Warrant and Proper Function. New York: Oxford University Press, 1993.
15. Pritchard D. Evidentialism, Internalism, Disjunctivism // In: Dougherty T. (ed.) *Evidentialism and Its Discontents*. – Oxford: Oxford University Press, 2011. Pp. 235–253.
16. Sosa E. Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
17. Steup M. Justification, Deontology, and Voluntary Control // In: Toksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. – Berlin: De Gruyter, 2012. – Pp. 461–485.

ON THE COMPATIBILITY OF DEONTOLOGISM WITH MODERATE EXTERNALISM IN A THEORY OF EPISTEMIC JUSTIFICATION: M. BERGMANN'S SOLUTION

Galukhin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The paper considers alternative ways of conceptualizing justification from the paradigmatic perspectives of internalism and externalism and reveals their relation to the principles of epistemic deontology. The research is focused in the reconstruction and analysis of the arguments elaborated by the epistemologist M. Bergman in order to demonstrate that the deontological justification condition can be conceptualized as being entailed by some internal version of the Non-Defeater condition and thus combined with the principles of the externalist approach within the framework of the general theory of the warrant – the system-integral factor of converting true beliefs into knowledge.

Keywords: epistemology, epistemic justification, internalism, externalism, deontological conception of justification, defeaters, knowledge.

References

1. Alston W.P. (1988) The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*, Vol. 2, Epistemology. – Pp. 257–299.
2. Alston W.P. (1993) Epistemic Desiderata. // *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 53, No. 3. – Pp. 527–551.
3. Bergmann M. (1997) Internalism, Externalism And The No-Defeater Condition. // *Synthese*, Vol. 110. – Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1997. – Pp. 399–417.
4. Bergmann M. (2000) Deontology and Defeat // *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 60. – Pp. 87–102.
5. Bergmann M. (2005) Defeaters and High-Level Requirements // *The Philosophical Quarterly*, Vol. 55, No. 220. – Pp. 419–436.
6. Bergmann M. (2006) Justification Without Awareness. A Defense of Epistemic Externalism. – Oxford: Clarendon Press.

7. Conee E. and Feldman R. (2004) *Evidentialism*. – Oxford: Oxford University Press.
8. Galukhin A.V. (2017) *Znanie kak pelengacija istiny: pistemologicheskaja koncepcija Roberta Nozika* [Knowledge as truth-tracking: Robert Nozick's epistemological conception]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 39–59.
9. Galukhin A.V. (2019) *K voprosu o znachimosti obosnovaniya dlya realizacii uslovij znaniya* [On the value of justification in attaining conditions of knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (3A), pp. 107–146.
10. Ginet C. (1975) *Knowledge, Perception, and Memory*. – Dordrecht: D. Reidel Pub. Co.
11. Goldman A. I. (1986) *Epistemology and Cognition*. – Cambridge: Harvard University Press.
12. Greco J. (2014) Justification is not internal // In: Steup M. and Turri J. and Sosa E. (eds.) *Contemporary Debates in Epistemology*. 2nd edition. – Malden, Oxford and West Sussex: Wiley-Blackwell. Pp. 325–337.
13. Nottelmann N. (2007) *Blameworthy Belief. A Study In Epistemic Deontologism*. – Dordrecht: Springer.
14. Plantinga A. (1993) *Warrant and Proper Function*. – New York: Oxford University Press.
15. Pritchard D. (2011) *Evidentialism, Internalism, Disjunctivism* // In: Dougherty T. (ed.) *Evidentialism and Its Discontents*. Oxford: Oxford University Press. – Pp. 235–253.
16. Sosa E. (1991) *Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology*. – Cambridge: Cambridge University Press.
17. Steup M. (2012) Justification, Deontology, and Voluntary Control // In: Tolksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. – Berlin: De Gruyter. Pp. 461–485.